

Пушкинъ и Европа

Пушкинъ — самый **европейскій** и самый непонятный для Европы изъ русскихъ писателей. Самый **европейскій**, потому-же почему и самый **русскій**, и еще потому, что онъ, какъ никто, Европу Россіи вернулъ, **Россію** въ Европѣ утвердилъ. Самый непонятный, не только потому, что непереводаемый, но и потому, что Европа изменилась и не можетъ въ немъ узнать себя.

«Европа намъ тоже мать, какъ и Россія, вторая мать наша; мы много взяли отъ нея, и опять возьмемъ, и не захотимъ быть передъ нею неблагодарными». Это не Пушкинъ писалъ, но это писалъ **Достоевскій** — незадолго до смерти, **вскорѣ** после пушкинской речи, примиренный съ Европой Пушкинымъ. Лучшее, что онъ въ этой речи сказалъ, относилось къ **«всемирной отзывчивости»** Пушкина, истолкованной имъ, какъ высшее **выраженіе обще-національной** черты, всеотзывчивости русскаго народа. Съ **тѣхъ поръ**, кажется, все согласилось съ нимъ, да и какъ отрицать пушкинскую открытость чужому или свойственныя русскому человеку **воспримчивость**, переимчивость, гибкость, **умѣніе** приспособляться (черты, **получающія** подчасъ окраску не такую ужъ и **пріятную**). Въ двухъ **отношеніяхъ**, однако, **Достоевскій** не сказалъ всего или даже сказалъ не совсемъ то, что было бы нужно сказать на эту тему. Хотъ и не универсализмъ, а какъ разъ европейзмъ Пушкина его отчасти какъ будто и заразилъ (что видно и изъ словъ «Дневника Писателя» о народности **стремленія** въ Европу), онъ все же не указалъ этого особаго **направленія** пушкинской отзывчивости, **поставившаго** ей известные **цѣли** и пределы; а въ отзывчивости самой по себе онъ не пожелалъ узнать черту, присутую въ той или иной **мѣрѣ** всякому вообще тетю.

Быть **геніемъ**, это не значить уметь обходиться безъ чужого (въ томъ числѣ и **національно-чужого**); это значить уметь чужое **дѣлать** своимъ. **Геній** не есть **призваніе** къ самоисчерпыванію, но даръ **пріятія** и **преображенія самыхъ** бедныхъ **обочекъ міра**. Очень часто онъ состоитъ въ способности доделывать недоделанное, увидеть по новому то, что уже было **видено** другими. «Буря» — единственная драма Шекспира, чья

тема и **многочисленныя** черты ея разработки не заимствованы у одного или **нѣсколькихъ** предшественников!». Зерно «Фауста» — пьеса для кукольнаго театра, а **послѣдніе** два сборника Гете — **подражанія** персидской и китайской поэзіи. **Восприимчивость** столь же существенная черта **генія**, какъ и оригинальность (не та, которой приходится искать, а та, отъ которой нельзя избавиться); однако **геніи узкіе** и **глубокіе** менее щедро ею наделены, **чѣмъ** те, что покоряють **гармоніей** и широтой. Къ нимъ относится Пушкинъ; его творчество напоминаетъ **Аріосто**, который легко внушаетъ мысль, что онъ лишь **вполнѣ** удачно повторилъ не столь удачно сказанное другими, или Рафаэля, въ чьемъ искусстве терпеливый знатокъ, совершенно лишенный художественнаго чутья, нашель бы только полный инвентарь всего, что сделали **итальянскіе** мастера* за предыдущее **полстолѣтіе**.

Отъ **геніевъ** ему **родственныхъ** Пушкина отличаетъ, однако, глубокая осознанность его дара впитывать и преобразовать, и особенно сознаніе той роли, которую призванъ выполнить этотъ даръ не только по отношенію къ его собственному творчеству, но и къ настоящему и будущему его народа. **Принимая** или отбрасывая ту или иную часть русскаго литературнаго прошлаго, онъ **зналъ**, что и современники, и потомки последуютъ его примеру. Отбирая и усваивая все то, что можно было усвоить въ литературномъ **наслѣдіи** Европы, онъ **зналъ**, что усвоеише это совершаетъ сама Росія, при **его** посредничестве. **Призваніе** поэта было ему дорого, но онъ не **забывалъ** и писательскаго долга передъ языкомъ, ему дарованнымъ, и литературой, этимъ языкомъ рожденной. Долгъ этотъ былъ, разумеется, не насильственнымъ, а любовнымъ, не **переходилъ** никогда въ докучную обязанность. Имъ были внушены занята русскою **исторіей**, изученіе народной поэзіи, записи песенъ, **подражанія** сказкамъ, но еще более толкалъ онъ Пушкина въ другую сторону: **къ пріобщенію** всему тому, что **составляло** духовную мощь Европы, что принадлежало **по** праву рожденія, какъ европейской наші, и Россіи, но чего Росія была долго лишена **вслѣдствіе направленія**, принятаго некогда ея исторіей. Дело это было **прямымъ продолженіемъ дѣла** Петра, дела Екатерины, **перенесеннаго** въ область, где оно могло совершаться безпрепятственной, но где оно тоже не могло обойтись безъ **самоотверженнаго** труда. Чемъ больше Пушкинъ жилъ, темъ больше долженъ былъ понимать, что это и **было его** дело. Въ **послѣдніе** годы после женитьбы онъ съ особеннымъ усердіемъ выписывалъ въ свою бібліотеку и читалъ иностран-

ныхъ авторовъ по возможности на ихъ **собственномъ языкѣ**, **вникáль** въ ихъ мысль и въ средства ея **выраженія**, **переводилъ** ихъ, либо для печати, либо для того чтобы лучше усвоить созданные ими **пріемы** и привить ихъ русскому языку и русской поэзіи.

«Переводчики — почтовые лошади **просвѣщенія**». **Вслѣдъ** за Жуковскимъ не погнушался и онъ впречья въ **тяжкій** рыдванъ западной литературы и тащить его по русскимъ ухабамъ, **даже** и выбиваясь иногда изъ силъ. «Мера за меру» — странная и кажется не совсемъ удавшаяся драма Шекспира, но попытка Пушкина сгустить ее въ поэму (что бы ни думалъ о ней самъ Пушкинъ) удалась еще гораздо менее: Точно также и **стихотворное переложеніе** изъ Бэньянова **«Странника»**, несмотря на **восторгъ** Достоевскаго, къ лучшимъ его **созданіямъ** отнюдь не **принадлежить**. Однако сожалеть о затраченномъ на эти попытки времени было бы близоруко, **тѣмъ** более, что и «Пиръ въ время чумы» — почти переводъ, **даже** больше переводъ, **чѣмъ** «Анджело», а здесь въ высшей **мѣрѣ** совершилось то чудо, которое Пушкину такъ часто удавалось совершать. Самый выборъ переведеннаго отрывка: лучшаго куска въ безразличной пьесе посредственнаго автора; дословность перевода некоторыхъ стиховъ и легкая, но решающая переделка некоторыхъ другихъ; замена обеихъ песенъ, использующая мотивы уже намеченные у Вильсона, но меняющая окраску **цѣлага** и дающая ему **новый смыслъ**; все это свидетельства именно пушкинскаго преимчиваго и **преображающаго генія**. **Неизбѣжность** преображенія была такова, что заправскимъ переводчикомъ, какъ Жуковский, **Пушкинъ не** сделался; ему даже казалось, что и Жуковский **переводитъ** слишкомъ много, — самъ онъ больше **подражалъ** и **передѣлывалъ**, темъ самымъ продолжая, однако, **дѣятельность** того, кого **недаромъ** называлъ учителемъ. Переделки могли не удаваться, но здесь и **намѣреніе** важно, не только **результатъ**, да и не въ **отдѣльныхъ** удачахъ или неудачахъ дѣло; **дѣло въ томъ**, что Пушкинъ всю жизнь **дышалъ** воздухомъ европейской литературы и такъ впиталъ ее въ себя, что **внѣ** ея (какъ, разумеется, и вне Россіи) становится непонятнымъ **все**, что онъ **написалъ**, все **направленіе** его творчества.

Это едва ли не единственный случай въ **исторіи** литературы, чтобы великій поэтъ, **величайшій** поэтъ своей страны, признавался, что ему легче писать на иностранномъ языкѣ, чѣмъ **на своемъ**, и действительно писалъ на этомъ языкѣ свои **любовныя письма** и письма официального характера, а также **предпочиталъ бы** обращаться къ нему для **изложенія** мыслей сколь-

ко-нибудь отвлеченныхъ. Когда ему надо было разсуждать, онъ **дѣлалъ** это большей частью по-французски и русское выраженіе редко приходило ему **первымъ** на умъ, какъ это показываютъ черновики его критическихъ писашей. На французской литературѣ былъ онъ воспитанъ больше, **чѣмъ** на русской, и не отрекся никогда отъ иныхъ кумировъ своей юности, — Парни, Вольтера, не говоря уже о Шенье, котораго полюбилъ немного позже. **Впослѣдствіи**, правда, его отношеніе къ ней **рѣзко** переменилось; онъ осуждалъ и ея **традицію** въ **цѣломъ**, и особенно строго судилъ современниковъ, продолжая, впрочемъ, усердно ихъ читать; **пощадилъ** онъ изъ нихъ въ **концѣ** концовъ (если не считать **Шатобриана** и г-жу **де** Сталь, которыхъ уважалъ) только Стендаля, Мериме, **Жанена**, Сентъ-Бева и автора **«Адольфа»**, романа особенно имъ любимаго. Какъ онъ однако **противъ** французской литературы ни возставалъ, своей- давней съ ней связи онъ порвать не могъ и даже Буало не окончательно пересталъ законодательствовать на его Парнассе, хотя бы въ томъ смыслѣ, что такъ и не позволилъ ему оценить до-малербовскую эпоху французской поэзіи. Если не его стихи, то его проза до конца **свидѣтельствуютъ** объ этой связи, и Мериме былъ правъ, когда по поводу «Пиковой дамы» писалъ Соболевскому: «Я нахожу, что фраза Пушкина совершенно французская фраза, т. е. французская фраза XVIII **вѣка**, потому что нынче разучились писать просто».

Какъ бы высоко ни **оцѣнивать**, **однако**, значеніе для Пушкина той французской литературной **стихиіи**, которую онъ съ детства въ себя впиталъ, оно во всякомъ случаѣ не перевеситъ того, что ему дало свободное и глубокое увлеченіе **литературой** англійской. Французское **вліяніе** было **неизбѣжнымъ** и **всеобщимъ**, англійское **онъ** **выбралъ** самъ; французское можно сравнить съ темъ, что даетъ человеку **рожденіе** и семьи, англійское — съ темъ, что ему позже можетъ дать любовь и дружба. **Ни** объ одномъ французскомъ писателе онъ не **служилъ** панихиды, какъ о **Байронѣ**, черезъ годъ после его смерти. «Отца нашего **Шекспира**» онъ **конечно** съ совсемъ другимъ **чувствомъ читалъ**, **чѣмъ** на лицейской скамьѣ какого-нибудь Вержье или Грекура, да и то, что онъ уже въ 1824 году думать о Расинѣ, отнюдь не похоже на **юношескіе** восторги Достоевскаго. «Скупой рыцарь» недаромъ выданъ за переводъ съ англійскаго, а «Пиръ во время чумы» съ англійскаго **переведенъ**. Въ «Борисѣ Годуновѣ» **больше** Шекспира, **чѣмъ** Карамзина; безъ Вальтеръ Скотта не было бы «Арапа Петра Великаго», «Капитанской дочки», а быть можетъ и «Повестей Бел-

кина». Притомъ **дѣло** тутъ вовсе не въ томъ, что историки литературы любятъ называть **вліяніемъ**, т. е. въ использованіи подходящихъ **приемовъ и матеріаловъ**, а въ **ощущеніи** внутренняго родства, постепенно **идушаго** вглубь по лиши отъ Байрона къ Шекспиру. Характерно, **напр.**, что единственнымъ **литературнымъ направлениемъ** современнаго ему Запада, чьи художественные принципы Пушкинъ вполне одобрялъ, была **англійская** «озерная школа», свое **отношеніе** къ которой онъ подчеркнулъ **тѣмъ, что** подражалъ Вордсворту, переводилъ Соути, обратилъ вниманіе на близкаго къ ней Вильсона и заботился **о** переводахъ изъ Барри Корнуола, для «Современника», еще въ **утро** последней дуэли. Всего характернее, однако, отношеніе его къ одному изъ поэтовъ этой школы, котораго въ зрелые **годы** жизни онъ любилъ едва ли не больше **всѣхъ** своихъ западныхъ современниковъ: къ Кольриджу.

Европейскому **читателю**, не знающему русскаго языка, очень трудно дать **понятіе** о стихотворной технике и поэтическомъ стилѣ Пушкина, **но** ближайшее, что ему можно на Западе указать, это все же Кольриджъ. Несмотря на огромное **различіе** интересовъ, темъ и всего вообще внутренняго облика, **нѣтъ** другого великаго европейскаго поэта, чей **стихъ**, стиль, чье **отношеніе** къ слову такъ напоминали бы Пушкина. «Remorse» и «Zarolu» несравненно слабее «маленькихъ драмъ», главнымъ образомъ благодаря растянутости, **но** **общій** тонъ, окраска **діалога, отношеніе** фразы къ стиху (**то**, что французы называютъ «соире») въ нихъ совершенно те-же. Какъ насыщенный **пушкинскій** стиль съ его утонченной игрой гласныхъ и согласныхъ (типа «**Мѣднаго Всадника**»), такъ и обнаженный (типа «Румяный критикъ мой...» или «Пора, мой **другъ**, пора...») находятъ себѣ **подобіе** въ стихахъ Кольриджа и больше нигде или почти нигде. Объясняется это не **вліяніемъ**, а родствомъ; не родствомъ **души**, но поэтической совести и **поэтическаго** вкуса. Пушкинъ недаромъ читалъ и **перечитывалъ** *) **эти родственные** ему стихи, недаромъ собирался было изъ «**Remorse**» взять эпиграфъ для «Анчара», а гораздо позже изъ **матеріаловъ** для «Папессы **Іоанны**» «faire un **poeme** dans le style de Cristabeb. Онъ долженъ былъ чувствовать къ Кольриджу нечто вроде братской любви поэта къ поэту. Когда вышла книга стиховъ его сына, онъ немедленно ее **выписалъ**. Смерть его была Пушкину не безразлична, **какъ видно** изъ

*) «Я занялся моими делами, перечитывая Кольриджа. сочиняя сказочки и не ездя по **сосѣдямъ**. 1831 («Заметки о холерѣ»).

надписи на сохранившемся среди пушкинскихъ книгъ экземпляре «Table **Talk**»; <Купл. 17 шля 1835 г., день **Демида** праздн. въ годовщину его смерти *). Уже после смерти Пушкина, вдова его получила счетъ от книгопродавца на заказанную имъ книгу «**Разговоръ**» **Кольриджа**. Этихъ разговоровъ онъ не прочелъ, но заочно **бесѣду** съ **англійскимъ** поэтомъ, съ **тѣхъ** поръ, какъ познакомился съ нимъ и пока былъ живъ, онъ едва ли прерывалъ на долго.

Теплота отношеня къ Кольриджу характерна и для этого особаго братства, и въ то же время для отношеня Пушкина къ западной литературе вообще. **Современниковъ** онъ читалъ жадно, и всегда съ радостью, даже съ **восторгомъ** отмечалъ то, что ему у нихъ нравилось, будь то романъ Манцони или стихи Сентъ-Бева. Но еще сильней тянуло его къ предкамъ. Глубокое преклонеше передъ Гете, какъ и чувство, какое испытывалъ онъ къ Данте, Петрарке, Сервантесу, Кальдерону, Шекспиру, Мильтону и многимъ другимъ, не можетъ быть названо иначе, какъ сыновнею любовью. Ихъ имена были для него священные, какъ и все прошлое западныхъ литературъ; они все, не одинъ **Вальтеръ** Скоттъ, были «пищею души»; они все, не одинъ Шекспиръ, были его «отцами», въ несколько иномъ, но едва ли и не въ более глубокомъ **смыслѣ**, чемъ это можно сказать о Державинѣ, Жуковскомъ или Карамзинѣ. Съ русской стороны у колыбели Пушкина имъ противостояли не столько **русскіе** писатели, сколько самъ русскш языкъ, тотъ **русскій** языкъ, въ который Пушкинъ какъ бы ихъ **включилъ**, **поднявъ** его на высоту ихъ мысли, ихъ искусства. Языкъ этотъ онъ заставилъ совершать чудеса, и притомъ такъ, что они совершаются какъ бы сами собой, точно самъ языкъ сделался **поэтомъ**. **Развѣ** не одной ужъ прелестью языка даже первая глава «**Евгенія** Онегина» лучше Байрона и «Капитанская дочка» лучше Вальтеръ Скотта? По размаху творческаго **воображенія** Пушкинъ не былъ равенъ Данте, Шекспиру или Гете, но достаточно **прочестъ** «Сцену изъ Фауста», «**Подражаніе** Данту» и **монологъ** скупого рыцаря, этотъ несравненный образецъ прививки шекспировскаго стиля иной поэзи и иному языку, чтобы убедиться, что въ **предѣлахъ** отрывка, образца (что уже не мало, такъ какъ ткань **Генія** вездѣ одна) онъ **сумѣлъ** потягаться съ ними, стать ихъ **спутникомъ**, оставаясь въ то же время **самимъ** собою. Чудо **Генія** во всехъ этихъ случаяхъ есть прежде всего

*) Дата не **совсѣмъ** точна, но **близка къ** верной. **Кольриджъ** умеръ 25 **юля** 1834 года.

чудо самоотверженной любви; но любовь выбирает и не **может** не выбрать, это не просто «**всемирная** отзывчивость».

*

«Росая по своему положению, географическому, политическому **etc.** есть судилище, приказъ Европы. — Nous **sommes les grands juges**. — **Безпристрастие** и здравый смысл наших **суждений** касательно того, что делается не у насъ; удивительны». Слова эти, **написанныя** въ 1836 году, **свидѣтельству**ютъ не о **национальномъ самопревознесении**, котораго отъ Пушкина не приходится ожидать и которому **противорѣчить** **ирония** последней фразы, а о пониманш той истины, что русскому легче разобратъся въ европейскихъ спорахъ, чѣмъ **самимъ европейцамъ**, разделяемымъ **национальными** предрасудками и наследственной враждой, къ которымъ Россш долгое время не **имѣла отношенія**. Въ области литературы, русскому легче, **чѣмъ** французу или англичанину, одновременно полюбить и Шекспира, и Расина, а кроме того — и это еще важней — ему легче почувствовать то, что несмотря на все различія у нихъ есть общаго: ихъ европейство. Немецъ, французъ, **итальянецъ** воспринимаютъ другъ друга **прежде всего**, какъ чужихъ, и въ чужомъ **увидятъ** свое лишь въ **противоположенш** чѣму-либо еще **болѣе** чужому. **Русскій-же** способенъ въ каждомъ изъ нихъ воспринять европейца прежде всего, а потомъ уже немца или француза. Если бы Пушкинъ **продолжилъ** свою мысль (внушенную **чтеніемъ** книги Шевырева о западной литературе), онъ нашелъ бы, что Европу, какъ целое, именно глядя на нее изъ Россш, всего легче ощутить. Не объ этой ли Европе онъ и думалъ, когда писалъ Чаадаеву, въ **отвѣтъ** на **приглашеніе** пользоваться русскимъ языкомъ: «Mon ami, je vous **parlerai** la langue de **l'Europe, elle m'est plus familière** que la notre». **Французскій** языкъ былъ для него прежде всего языкомъ не **Франціи**, а европейскаго образованнаго общества; онъ **открывалъ** ему отчасти доступъ и къ **другимъ литературамъ**, но **настоящаго** ключа къ нимъ все же не Давалъ. Французская литература была лишь частью европейской и не могла заменить целаго, а къ этому целому онъ и стремился, **только** оно и могло его удовлетворить.

Не только **понятіе** европейской литературы было Пушкину близко, онъ **употребляетъ** и само это **выраженіе**. Оно встречается въ наброске **предисловія** къ «Борису Годунову» въ томъ **мѣстѣ**, где критикуются **тѣ** «журнальные Аристархи», что **«са-**

мовластно **раздѣляютъ** европейскую литературу на классическую и романтическую», т. е. забываютъ о ея **единствѣ**. Замечательно, что слова эти написаны въ томъ же самомъ 1827 году, когда Гете, въ разговорѣ съ Эккерманомъ и въ **журнальной** статьѣ, создаетъ свое **понятіе всемірной** литературы. Две эти **концепціи** совершенно не равнозначны; съ известной точки **зрѣнія** оне даже противоположны, и **расхожденіе** ихъ только подчеркиваетъ тотъ фактъ, что отношеніе обоихъ поэтовъ къ этимъ **вопросамъ** на протяженіи ихъ жизни изменялось въ противоположномъ направленіи. Гете къ старости все более расширялъ свой кругозоръ въ сторону Индіи, Персіи, Китая; Пушкинъ, напротивъ, приближаясь къ зрелымъ **годамъ**, постепенно **суживалъ** его, **ограничивалъ** пределами Европы. **Послѣ** возвращенія съ юга онъ уже не **выписывалъ турецкихъ** словъ въ свою тетрадь; после 1824 года не написано ничего, **что** могло бы сравниться съ «**Подражаніями** Корану». Въ апрелѣ 1825 года онъ пишетъ Вяземскому: «Знаешь, почему не люблю я **Мура**? — Потому, что онъ черезчуръ ужъ восточенъ. Онъ подражаетъ — ребячески и уродливо — ребячеству и уродливости **Саади**, Гафиза и Магомета. **Европеецъ** и въ **упоеніи** восточной роскоши долженъ сохранить вкусъ и взоръ **европейца**». Впрочемъ уже и за три года до того онъ писалъ изъ Кишинева тому же Вяземскому о томъ-же Муре, какъ о «**чопорномъ** подражателе безобразному восточному **воображенію**». Возможно, что **недовѣріе** къ Востоку было у Пушкина отголоскомъ классицизма, но **дѣло** тутъ вообще не въ недоверіи, не въ **отталкиваніи**, вовсе не такомъ ужъ **и остромъ**, а въ **слишкомъ** сильномъ притяженіи Европы, которую надлежало Россіи вернуть, въ Россіи укоренить. У Гете заботъ этого рода не было, оттого онъ и размышлялъ о всемірной литературе, а Пушкинъ о европейской.

Но больше того. Даже и внутри европейскаго **литературнаго** преданія Пушкинъ различаетъ какъ бы два разныхъ пласта, усвоеніе которыхъ **Россіей** не **одинаково** неотложно и насущно. Въ 1830 году онъ пишетъ: «Съ **тѣхъ** поръ, какъ вышелъ **изъ** Лицея, я не раскрывалъ латинской книги и совершенно забылъ **латинскій** языкъ. Жизнь коротка, перечитывать некогда. **Замечательныя** книги теснятся одна за другой, а никто нынче по латыни ихъ не пишетъ. Въ 14 столетіи, наоборотъ, латинскій языкъ былъ **необходимъ** и справедливо **почитался** первымъ признакомъ образованнаго человека». **Чѣмъ** латинскій языкъ былъ для Петрарки, темъ **французскій** былъ для Пушкина. Латынь не совсемъ исчезла съ его горизонта, принимался онъ и

за **греческій** языкъ, однако центръ тяжести былъ въ другомъ, и объ этомъ, а не только объ устремленіи личныхъ **вкусовъ** сказано съ полной ясностью уже въ 1825 году, въ письме къ Бестужеву. «Изученіе **новѣйшихъ** языковъ должно въ наше время заменить **латинскій и греческій** — таковъ **духъ вѣка** и его **требованія**»; этимъ **требованіямъ** Пушкинъ и стремился удовлетворить. Будучи съ детства обученъ лишь французскому языку, онъ позже познакомился — хоть и поверхностно должно-быть — съ итальянскимъ и **нѣмецкимъ**, усердно изучалъ **англійскій** и достигъ **вѣроятно** хорошаго его знанія (только съ произношеніемъ такъ и не сладилъ до конца), занимался **испанскимъ**, переводя отрывки изъ «Цыганочки» Сервантеса. **Инстинктъ** поэта помогалъ ему и тамъ, где знанія не доставало, и благодаря этимъ часамъ, проведеннымъ надъ грамматикой и словаремъ, русскій языкъ «столь **гибкій** и мощный въ своихъ оборотахъ и средствахъ, столь перемчивый и общежительный въ своихъ **отношеніяхъ** къ **чужимъ** языкамъ» **получалъ пищу** нужную ему, вступалъ во владеніе Европой.

Этимъ и была прежде всего Европа Пушкина: романо-германскимъ **міромъ** среднихъ **вѣковъ** И новаго времени, **христіанскимъ** Западомъ съ его пятью главными литературами на пяти **великихъ** языкахъ. Конечно, онъ помнилъ то, **чего не** забывалъ и Гете, несмотря на все свои **экзотическія** увлеченія; онъ зналъ, что основа и корень Европы въ греко-римской древности, что **порвавъ** съ ней связь, Европа перестанетъ быть собою; ко и тутъ **положеніе** его было не то же, что у Гете: путь къ древнему **міру** **прилегалъ** не прямо, а только сквозь новый **европейскій** **міръ**. Пушкинъ отлично сознавалъ, что у Россіи есть собственная античная традиція, идущая непосредственно изъ Греціи, черезъ **Византію**, минуя Римъ, традиція неотъемлемая, ибо укорененная въ религіи и языке, **глубочайшемъ** **достоинствѣ** народа. Разумеется, онъ **совсѣмъ** и не думалъ эту **традицію** **устранять**, но **дѣлу** **соединенія** Россіи съ Западомъ она не помогала, скорей ему препятствовала, приводя къ тому, что у **Запада** и у Россіи оказывалось какъ бы две разныхъ античности, **мало чѣмъ** связанныя между собой. Надлежало эти **традиціи** сблизить, утвердить **сознаніе** общеевропейскаго **классическаго** **наслѣдія**. Къ этому Пушкинъ и стремился, во многомъ вполне сознательно, и притомъ двойнымъ образомъ: прежде всего въ своей работѣ надъ литературнымъ языкомъ, добываясь въ немъ **равновѣсія** между элементами западнаго и церковно-славянскаго **происхожденія** (съ преобладаніемъ чисто-русскихъ), а затемъ еще и ведя русскую литературу не прямо къ

Греші и Риму, а къ ихъ живому преданію въ западныхъ **литературахъ**, ко всему тому, что исходя изъ этого преданія было создано.

Пушкинской отзывчивости имъ **самимъ** были поставлены **предѣлы**; пушкинскую Европу онъ самъ очертилъ уверенной рукой; но знаніе границъ никогда не означало у него узости, и европеизмъ его совершенно былъ свободенъ отъ основного изъяна **позднѣйшаго** западничества: поклоненія **последнему** изображенію, **подмѣны** западной культуры западной газетой. Ему то ужъ, конечно, были вполне чужды «невежественное презрѣніе ко всему прошедшему, **слабоумное изумленіе** передъ своимъ **вѣкомъ**, слепое пристрастіе къ новизне», эти признаки **«полупросвѣщенія»**, которые онъ такъ сурово осуждалъ въ Радищеве. Современностью его Европа не только не исчерпывалась, но и **чѣмъ** дальше, **тѣмъ** больше ей противопоставлялась. Онъ воспитался на литературѣ **восемнадцатаго** века, но дальнѣйшее развитіе его заключалось не въ томъ, чтобы онъ старался поспѣшать за **девятнадцатымъ**, а въ томъ, что онъ какъ бы возвращался вспять къ семнадцатому, къ шестнадцатому, къ величайшимъ векамъ Европы, и еще **къ** другимъ, более **раннимъ** ея векамъ, такъ что современная французская литература представлялась ему вполне упадочной, Байрона **замѣнилъ** Шекспиръ, уже не Парни, а **«ветхій Данте»** у него въ **рукахъ** и даже старо-французскій «Roman de Renart» его такъ **заинтересовалъ**, что онъ перевелъ на новый **французскій** языкъ его **начало**. Правда, интересы и вкусы такого рода могъ воспитывать въ немъ и самъ современный ему **европейскій романтизмъ**; книга Августа Вильгельма Шлегеля по исторіи драмы вероятно сыграла не малую роль **въ образованіи** его **литературнаго мѣровоззрѣнія**; однако это и есть главное или почти все, что онъ отъ романтизма получилъ, какъ это видно уже изъ **того**, какой онъ смыслъ вкладываетъ **въ** самое это слово.

Такъ **онъ** писалъ темно и вяло
(Что романтизмомъ мы **зовемъ**,
Хоть романтизма тутъ ни мало
Не вижу я; да что намъ **въ** томъ?).

Эти строки, какъ и **многія другія высказыванія** Пушкина, свидѣтельствуютъ о его **нежеланіи** называть романтизмомъ то, что **всѣ** вокругъ него называли этимъ именемъ. Ленскій — романтикъ въ общепринятомъ смыслѣ слова и его романтизмъ Пушкину не нравится, но существуетъ еще **другой**, настояннй романтизмъ, съ которымъ у **Ленскаго** нѣтъ ничего **общаго**; что

же онъ такое? На это у Пушкина легко найти **отвѣтъ**. Для него Гете — «великанъ романтической поэзіи»; «Борисъ **Годуновъ**» — «истинно романтическая **трагедія**», потому что построена по правиламъ шекспировой драматургіи*; Данте для него — зачинатель романтической поэзіи, которая, однако, мы **это** видимъ, отнюдь не **ограничивается** (какъ въ ранней **англійской терминологіи**) средними **вѣками**, — для **средневѣковой** поэзіи у Пушкина есть особый терминъ: «**готическій** романтизмъ». Къ романтической литературе относятся у него, какъ это онъ особенно ясно высказалъ въ известномъ **историко-литературномъ** наброске 1834 года, и **Аріосто, и** Тассо, и Спенсеръ, и Милтънъ, и **великіе** испанцы, и Монтанъ, и Рабле, и даже «Сказки» Лафонтэна и «Орлеанская девственница» Вольтера*), т. е. вся западная литература отъ Данте до Гете за **исключениемъ** французской классической трагедіи. Такое **словоупотребленіе** тоже могло быть внушено Шлегелемъ, но въ самомъ пониманіи **дѣла** Пушкинъ отходить отъ него и недаромъ, уже ознакомившись съ его книгой, пишетъ (въ 1825 году Бестужеву): «Сколько я ни читалъ о романтизме, все не то». Различье тутъ въ томъ, что для **Шлегеля** онъ самъ и его друзья были прямыми продолжателями Данте, Шекспира и Гете, тогда какъ Пушкинъ противопоставлялъ этимъ **геніямъ** своего Ленскаго и всехъ Ленскихъ **вмѣстѣ** съ нимъ. Въ его пониманіи романтическая литература противопоставалась не только классической древности, но и **романтизму** его современниковъ; и если къ такому словоупотребленію возврата нѣтъ, то именно оно окончательно уясняетъ намъ пушкинскую идею **европейской** литературы.

Пушкинъ весь обращенъ не къ сомнительному **будущему**, а къ несомненному и великому прошлому Европы. Онъ ее еще **видѣлъ** **цѣликомъ** такой, какъ она некогда была, а не такой, какъ постепенно становилась; именно эту Европу онъ для Россіи открылъ, Россіи вернулъ, не «**просвѣщеніе**», отъ котораго исцелился, не романтизмъ, которымъ такъ и не заболелъ, а старую, великую Европу, въ ея силе, въ ея здоровьи, съ еще не растроченнымъ огнемъ ея души. Къ этой Европе онъ **самъ всѣмъ** своимъ существомъ **принадлежалъ**, будучи русскимъ, любя **Россію** и ее одной и той же сыновнею любовью, и если «Европа тоже намъ мать», то потому, что Пушкинъ не на **словахъ**, а всею творчествомъ своимъ назвалъ ее матерью. Онъ былъ последнимъ ея **геніемъ**, еще избегнувшимъ романтиче-

*) Два послѣднихъ произведенія очевидно лишь по матеріалу въ нихъ использованному.

скаго разлада, еще не болѣвшимъ раздѣленіемъ личности и творчества, стили и души. Когда-то это понялъ Мериме, любившій его издали, видѣвшій французское въ его прозе, но греческое въ его стихахъ, поклонявшійся въ немъ последнему божеству своей собственной духовной родины. Другіе этому божеству изменили; какъ же имъ было понять творенія поэта, метко застреленнаго европейцемъ, но плохо переведеннаго на европейскіе языки? Европа смакуетъ русскую экзотику, но въ Пушкине не узнаетъ себя; если же узнаетъ, то узнаннаго не цѣнить. А Росія, знаетъ ли она еще, что Пушкинъ не только Пушкина ей далъ, но и Данте, и Шекспира, и Гете, — а потому и Гоголя, и Толстого, и Достоевскаго, что въ его творчестве больше чемъ во всехъ революціяхъ и переворотахъ совершилась судьба его страны; знаетъ-ли, что изъ всехъ великихъ дѣлъ, начатыхъ или задуманныхъ у насъ, ни одно не осуществилось такъ сполна, какъ его дѣло, и что все Россіей, за сто летъ, возвращенное или подаренное Европе, родилось изъ его труда и пронизано светомъ его генія?

В. Вейдле.

Автопортретъ Пушкина